

Очерки Павла Недо, написанные на большом материале, с учетом всей предшествовавшей собирательской и исследовательской работы, дают яркое представление об истории, характере, составе и условиях бытования сорбского фольклора.

Общие положения, высказанные П. Недо и положенные в основу его книги, не вызывают возражений. Хочется поспорить лишь с некоторыми из высказанных им определений.

Например, давая определение предания как жанра, П. Недо пишет: «Народная сага, согласно общепринятому определению,— повествование о поступках мифологических или демонических персонажей и о столкновении человека со сверхъестественными силами» (стр. 114). Таким образом, в понятие предания включаются только мифологические и суеверные мемораты и фабулаты. Против такого суженного истолкования этого жанра, которое характерно для некоторой части современной западноевропейской науки, неоднократно возражал ряд исследователей (Гизела Бурде-Шнейдевинд, К. В. Чистов и др.). Поскольку сам П. Недо включает в раздел преданий не только мифологические, но и исторические предания, он сам же расширяет представление о термине «предание» и опровергает свое же определение.

Нельзя согласиться и с определением сказки, которое П. Недо дает (стр. 147) вслед за акад. Ю. М. Соколовым: «Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера». Определение это не вскрывает жанровых отличий сказки от предания, легенды, былички и настольно широко, что может быть применено к любому виду народной прозы. В данном случае оно особенно неуместно, поскольку Павел Недо тут же дает самостоятельный раздел, посвященный шванку.

Несколько удивляет объединение в одном разделе таких разных жанров, как заговоры, загадки и пословицы. Если автор не хотел по каким-либо соображениям дать самостоятельную главу, посвященную каждому из этих жанров, можно было объединить в одну главу загадки и пословицы, имеющие некоторые общие черты, заговоры же отнести к обрядовому фольклору.

Высказанные нами соображения ни в коей мере не снижают высокую оценку труда профессора Недо. Книга его, написанная на исключительно большом материале, с незаурядным знанием предмета, блещет тонкостью анализа, отличается глубоким историзмом. Это подлинно научный, крупный вклад в дело пропаганды сорбского народно-поэтического творчества, т. е. в дело, которому Павел Недо отдал многие годы своей жизни, которым он занимается с увлечением ученого и страстностью агитатора.

Недаром эта книга нашла своего читателя и заслужила многочисленные восторженные отзывы исследователей и любителей народной поэзии, друзей сорбского народа.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Наоэ Хиродзи. *Тюгоку-но миндзокугаку*. (Этнография Китая), Токио, 1967, 309 стр. (на япон. яз.)

Автор книги Наоэ Хиродзи — профессор Токийского педагогического института, лауреат премии им. Янагида Кунио, присуждаемой в Японии за труды в области этнографии, краеведения и фольклора. Как отмечает автор в предисловии, именно исследование Янагида в свое время пробудили в нем интерес к этнографической науке.

Здесь следует заметить, что японский термин «этнография» (миндзокугаку) в иероглифической передаче имеет два варианта, один из которых может быть переведен как «наука об этносах», другой — как «наука о народных обычаях». Нетрудно видеть, что оба эти понятия соотносятся между собой примерно так же, как *Völkerkunde* и *Volkskunde* в немецкой терминологии (объясняется это тем, что современная этнография складывалась в Японии под значительным влиянием немецкой этнографической школы). Янагида был одним из крупнейших представителей второго направления в японской этнографии. Согласно концепции, проповедовавшейся им и его последователями, задачи этнографического исследования заключаются в изучении различных сторон традиционного народного быта — обычаев, верований, устного творчества. Но если сам Янагида и его ученики занимались в основном исследованиями в области японской этнографии, то Наоэ Хиродзи стал одним из первых японских ученых, обратившихся к этнографическому изучению китайцев. Пройдя курс истории Востока в Университете Токио, Наоэ закончил его в 1941 г. Через год он получил предложение принять участие в социологической экспедиции в провинцию Шаньси (Северный Китай), а затем занял должность доцента при Университете Фужэнь в Пекине. Разнообразный полевой материал, собранный Наоэ за время пятилетнего пребывания в Китае, и лег в основу его исследований в области различных сторон культуры и быта китайцев.

Рецензируемая книга (13-й том в серии «Этнография и фольклор», публикуемой книгоиздательством Ивасаки) представляет собой сборник статей и очерков, написан-

ных Наоэ в 1942—1966 гг. Большая часть их была в разное время опубликована в японских и китайских периодических изданиях, а некоторые — подготовлены специально для сборника. Тематически статьи сгруппированы в пять разделов.

Первый раздел посвящен устному народному творчеству китайцев. Помимо публикации образов северокайтайского фольклора, преимущественно волшебных сказок записанных автором в пров. Хэбэй и Шаньси, здесь дается также краткий анализ их жанровых и стилистических особенностей. Автор, как правило, тщательно фиксирует различные варианты одного и того же сюжета, в то же время предостерегая от недоаточно обоснованных сопоставлений (см. некоторые сходные сюжеты в китайском японском и французском фольклоре, стр. 45). В этом смысле весьма характерен интерес Наоэ к социальным условиям бытования тех или иных мотивов, к их связи с особенностями общественного быта.

Второй раздел сборника посвящен анализу традиционных праздников и связанных с ними поверий. Тема эта в целом довольно хорошо изучена в синологической литературе. И тем не менее очерки Наоэ читаются с большим интересом: его острый взгляд неизменно фиксирует малоизвестные, но оказывающиеся существенными детали, а об разность характеристик делает его описания яркими и запоминающимися. Несомненный интерес представляет стремление автора проследить местные особенности в ритуале традиционных празднеств (стр. 86), которые нередко описываются как некий единый комплекс, свойственный будто бы в равной мере всем китайцам¹.

Третий раздел книги, с нашей точки зрения, представляет наибольшую ценность. Здесь рассматриваются разнообразные вопросы, связанные с судьбами традиционных форм общественной организации в китайской деревне 40-х годов. Одна из статей этого раздела посвящена вопросу о структуре семьи и системе наследования. Проблема семейной организации китайцев давно уже привлекла внимание японских историков: (среди них следует отметить Като Дзёкен, Морохаси Таудзун, Мория Мицуо, Ниидзубору и др.). Однако эти авторы основывались преимущественно на данных письменных источников, тогда как Наоэ Хиродзи впервые привлекает материалы этносоциологических обследований, проводившихся в 30—40-х гг. экспедициями Пекинского университета, а также результаты своих собственных полевых наблюдений. Автор убедительно показывает, что вопреки распространенному мнению о широком бытовании в Китае различных форм большесемейной организации, в сельских районах на севере страны абсолютно господствующей является малая семья (средняя численность крестьянских семей в пров. Шаньси — 5,75 чел., в Хэбэе — 5,80 чел. и т. д.). Рассматривая немногочисленные примеры существования большесемейных коллективов, Наоэ полагает, что их структуру нельзя связывать с пережиточными формами «древней большой семьи», так как это — вторичное явление, обусловленное конкретными социальными условиями новейшего времени (стр. 159). Автор подробно останавливается на вопросе о разделе семьи, функции ее главы, рассматривает этимологию терминов, связанных с семейной организацией.

В следующей статье того же раздела Наоэ выступает против другого распространенного представления о китайской деревне первой половины нашего столетия. Автор показывает, что несмотря на преобладание на севере Китая мелких и средних сельских поселений, местоположение которых способствует их изолированности, деревня тем не менее тесно связана с городом. Эта связь обеспечивается, помимо всего прочего, благодаря различным категориям «традиционных посредников» — странствующих кузнецов и других ремесленников, корабельников, народных сказителей и т. д. (стр. 175—190).

В четвертый раздел книги включены три переработанных отчета о полевых исследованиях в окрестностях Пекина, близ Ваньпина (пров. Хэбэй) и Цзинани (пров. Шаньдун).

Наконец, пятый раздел носит историографический характер — он посвящен истории изучения фольклора в Китае. Автор подробно рассказывает о возникновении в 1922—1923 гг. «Фольклорного общества» и «Общества по изучению народных обычаев», об основанных в это время периодических изданиях, о важнейших этнографических работах китайских ученых. К сожалению, в этом интересном обзоре не учтены статьи, опубликованные Вэй Цзянь-гуном, Гу Цзе-ганом, Жун Чжао-цзу в связи с 40-й годовщиной основания еженедельника «Гэяо»². В последней части этого раздела, посвященной изучению устного народного творчества китайцев после создания КНР, автор стремится дать объективную оценку этому новому этапу в развитии китайской фольклористики. Наоэ правильно отмечает, что с победой народной революции в Китае были созданы условия для организации массовых исследований в области «неписанной истории народной жизни» (стр. 291). Успехи китайских ученых в деле широкого развертывания работы по собиранию и изучению фольклора китайцев и других народов Китая действительно значительны, и Наоэ совершенно прав, когда дает им весьма высокую оценку. Но в то же время японский этнограф сетует на то, что в КНР

¹ Этот недостаток в какой-то мере свойствен и разделу о семейных и общественных праздниках китайцев в томе «Народы Восточной Азии», М., 1965, стр. 296—297.

² См. журнал «Миньцзянь вэньсюэ», 1962, № 6, стр. 124—147 (на кит. яз.).

уделялось слишком много внимания выявлению и публикации различного рода фольклорных материалов, связанных с политической историей страны нового и новейшего времени. Автор с явным сожалением говорит о том, что в КНР специалисты не занимаются изучением этнографии и фольклора в «их чистом виде» (стр. 291). Наоз, по-видимому, не замечает, что его собственная книга убедительно показывает, что в наше время исследователь культуры и быта народов не может абстрагироваться от политических проблем современности, даже если он сознательно стремится к этому. Так, на первый взгляд, может показаться, что работы Наоз Хиродзи, посвященные традиционным аспектам быта и культуры, целиком обращены в прошлое и далеки от сегодняшнего дня в жизни китайского народа. Однако это не так. Именно сегодня исследования Наоз звучат злободневно и остро. Как известно, одна из официальных задач «культурной революции» в Китае заключается в уничтожении «четырех проявлений старой действительности» (идеология, культура, нравы, привычки). Основное содержание данной книги,— пишет автор в предисловии (стр. 3),— связано как раз с этими четырьмя аспектами, которые, с точки зрения хунвэйбинов, подлежат безоговорочному искоренению. Но совершенно очевидно, что развитие культуры не мыслимо вне ее преемственности. Огульное истребление «старого» есть ни что иное, как отрицание культуры,— с этим мнением японского ученого нельзя не согласиться.

В целом книга Наоз Хиродзи, написанная на большом оригинальном материале и проникнутая чувством уважения к народу — творцу культуры, несомненно привлечет внимание как специалиста-синолога, так и всякого, кто интересуется этнографией китайцев. Указатель, приложенный к сборнику, помогает читателю ориентироваться в разноплановом и многообразном содержании книги. Следовало бы отметить, что издание выполнено с большим полиграфическим вкусом, если бы это не было вообще характерно для большинства современных японских научных публикаций.

М. В. Крюков

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Lilly de Jongh Osborne. *Indian crafts of Guatemala and El Salvador*. Norman, Oklahoma, 1965, 280 p., ill.

Лилли Осборн родилась и прожила всю свою жизнь в Латинской Америке, преимущественно в Гватемале и соседнем Сальвадоре. Известны многие работы Лилли Осборн по истории и этнографии этих двух стран¹. Рецензируемая книга посвящена индейским ручным ремеслам Гватемалы и Сальвадора и содержит богатый фактический материал, собранный автором за время многочисленных путешествий в труднодоступные индейские районы этих двух латиноамериканских государств.

Предисловие к труду Лилли Осборн написал крупнейший знаток письменности и истории индейцев майя Э. Томпсон. Он высоко оценивает эту работу и отмечает большие трудности, с которыми автору пришлось столкнуться при сборании материала.

Исследовательница прекрасно знает историю, культуру и обычаи древних насельников Гватемалы. В настоящее время, в отличие от Сальвадора, где индейцы составляют только около 10% населения, в Гватемале приблизительно 55% жителей — индейцы². Вследствие этого основное внимание в книге уделено именно гватемальским индейцам и их ремеслу.

Рецензируемая книга делится на две основные части, первая из которых посвящена преимущественно ткачеству и производству одежды, а вторая знакомит читателя с остальными индейскими ремеслами. Несоразмерность этих частей (первая из них охватывает одиннадцать глав из девятнадцати) объясняется, по-видимому, тем, что, во-первых, ткачество в этих странах до наших дней остается у индейцев ведущим ремеслом, распространенным повсеместно, и, во-вторых, тем, что автор является крупнейшим знатоком текстиля Гватемалы.

Во введении к I главе автор останавливается на вопросах численности, размещения и языковой классификации индейцев. На наш взгляд, рассмотрение этих вопросов совершенно необходимо, принимая во внимание крайне сложный этнический состав Гватемалы. Более одной трети населения страны не говорит по-испански, а объясняется на одном из шестнадцати индейских языков³. Иное дело в Сальвадоре, где почти все индейцы говорят по-испански. Естественно поэтому, что в Гватемале наряду

¹ Помимо множества статей, Лилли Осборн написала несколько больших работ, посвященных этнографии Гватемалы и Сальвадора: *Textiles of Guatemala*, New Orleans, 1935; *Four keys to El Salvador*, New York, 1956; *Así es Guatemala*, 1960; *Four keys to Guatemala* (with V. Kelsey). New York, 1961.

² N. Whetten, *Guatemala. The land and the people*. New Haven, 1961, p. 44.

³ N. Whetten. Указ. раб., стр. 54; E. Thompson, *The Maya hieroglyphic writing*, Washington, 1950, p. 16.